

Предисловие

Князю Игорю — который Рюрикович и он же Старый — очень не везет в литературе. Пишут о нем мало — меньше, чем о его отце, сыне, внуке. Да и образ получается малоприятный. У писателей за ним закрепилась репутация как минимум неудачника, человека слабовольного и неумного. В ряду таких исполинов, как Рюрик, Олег Вещий, Святослав, даже Владимир (фигура неоднозначная, но, безусловно, масштабная), Игорь, основатель династии Рюриковичей в Киеве, выглядит очень невыразительно. Бедный родственник какой-то, слабое звено в цепи богатырей. Статист в пьесе, посвященной его отцу, дяде, жене или сыну. Как будто на нем природа переводила дух между Олегом и Святославом.

А между тем жизнь Игоря прошла определенно не зря. На период его правления выпадает несколько значимых событий и военных кампаний, иные из которых летопись не связывает напрямую с его именем, а другие не попали в летопись вообще. Или были ею «подарены» другим персонажам. Например, основание Новгорода летописная традиция присвоила Рюрику, хотя археология показывает, что начало городу было положено в 930–950-х годах — а это эпоха Игоря. Присоединение к Киевской Руси Смоленска летопись отдала Олегу Вещему — а война за это присоединение разразилась опять же в середине X века при Игоре! При нем, около 940 года, состоялся поход руси на хазарский Самкрай (Тамань), а три года спустя — на Бердаа (нынешний Азербайджан); не будучи связаны с Игорем напрямую, эти походы, тем не менее, являются частью его внешней политики. Игорь имеет на своем счету походы на печенегов, покорение древлян и уличей. При нем состоялась очередная

война с греками 941–943 годов и последующее заключение договора. Итого, не менее семи-восьми крупных военно-политических кампаний! Велась в его время и некая законодательская деятельность: в договоре руси с греками 944 года есть ссылка на «устав и закон Русский», притом что в предыдущем договоре, 911 года, есть ссылка только на «закон русский». А это значит, что при Игоре издавались княжеские законодательные акты («уставы»).

Поход 941 года принято относить к неудачным. Хотя Повесть Временных Лет говорит о нем так:

«И пришли, и подплыли, и стали воевать страну Вифинскую, и попленили землю по Понтийскому морю до Ираклии и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили, и Суд весь пожгли. . . Монастыри и села пожгли и по обоим берегам Суда захватили немало богатств. Когда же пришли с востока воины — Панфир-доместик с сорока тысячами, Фока-патриций с македонянами, Федор-стратилат с фракийцами, с ними же и сановные бояре, то окружили русь. Русские же, посовещавшись, вышли против греков с оружием, и в жестоком сражении едва одолели греки. Русские же к вечеру возвратились к дружине своей и ночью, сев в ладьи, отплыли. . . »¹ (Перевод Д. С. Лихачева)

Из этого следует, что русы наступали сразу в двух направлениях — ушли за 100 километров (до Никомедии в Вифинии) вдоль побережья Мраморного моря (за Босфором) и более чем за 300 километров на восток вдоль южного берега Черного моря (до Гераклеи в Пафлагонии). Сожгли Золотой Рог — залив, на котором стоит собственно Константинополь. Взяли большую добычу, а чтобы остановить их, понадобилось более сорока тысяч греческого войска. И то — «едва одолели». А поскольку в те времена целью любой войны считалось причинение против-

¹ Похоже, что с перечнем греческих военачальников летописец немного ошибся: в указанное время с русами в Малой Азии воевал доместик схол Востока Иоанн Куркуас, а некий Панферий сменил его в этой должности только в 944 году. (Здесь и далее — примечания автора.)

нику максимального ущерба экономических и людских ресурсов, то поход этот был для русов не так уж неудачен.

Тем не менее в литературе сложился образ Игоря — вечного недоросля, что до седых волос прожил под началом Олега Вещего, сходил в один неудачный поход, а потом принял позорную смерть по собственной жадности. Созданная летописцами дурная репутация Игоря Старого привела к тому, что о нем и писать почти никто не хочет. Мне известна всего пара романов, посвященных именно ему, но даже в них походу 941 года уделено очень мало внимания: буквально пара страниц. Битву в Босфоре укладывают в пару абзацев — а ведь это был не просто первый случай, когда русы столкнулись с «греческим огнем», но первый описанный случай в истории, когда русы либо норманны встретились с греками в морском бою! Хотя бы уникальностью это событие заслужило более подробного рассмотрения. Тем не менее писатели как будто стыдливо отворачиваются от Игоря и спешат перейти к эпохе Святослава, чья репутация куда лучше отцовской, хотя лучше ли итоги его деятельности?

Итак, если я не сильно заблуждаюсь, мне досталась честь написать первый роман о русско-греческой войне 941 года с подробным раскрытием темы — настолько, насколько это позволяет изучение материала. А позволяет оно немало, и завершение этой военно-политической кампании пришлось отложить до следующей книги, чтобы не комкать события, заслуживающие подробного изложения.

Часть первая

Прощальный пир шел с полудня, и толпы гостей в старой Олеговой гриднице сменились уже не раз. Здесь перебивал весь Киев, все старейшины полянских, древлянских, северянских городков, что съехались на проводы князя с дружиной. Не считая воевод тех земель, что отправляли свои полки с Ингваром на Греческое царство. Каждому из них князь поднимал чару:

— Пью на тебя!¹ Здоровья и удачи да пошлют тебе боги!

В ответ гость пил за князя и переворачивал пустую чашу вверх дном:

— Пусть у врагов твоих останется крови в жилах столько, сколько пива в этой чаше!

Княгиня Эльга, будто маков цвет в своем греческом платье из красного шелка с золотым шитьем, обходила столы, ласково приговаривая:

— Угощайтесь, гости дорогие! Что же вы не кушаете?

— Спасибо, матушка княгиня, мы кушаем! — отвечали ей бояре, вновь берясь за мясо и похлебку.

И собравшись воевать Греческое царство, уроженцы славянских земель тщательно соблюдали старинный застольный обычай. Съев по кусочку, откладывали ножи и ложки, и Эльга начинала снова:

— Что же вы не кушаете? Кушайте побольше!

Если не уговаривать, не станут есть, уйдут голодными и затаят обиду. Едва начинало темнеть, но у Эльги кружилась голова

¹ «Пить на кого-то» — древнерусское обозначение здравицы, то есть пить в честь кого-то.

от усталости, в ушах шумело от голосов. Пылал огонь в очаге, по всей гриднице горели факелы; в глазах рябило от шевелящихся теней и пощипывало от дыма. Опустить веки — и в темноте вспыхивают солнечно-рыжие пятна.

Однако не стоило показывать своего утомления, и Эльга быстро открывала глаза, окидывала взглядом гридницу. Улыбалась царящему разгрому — столы завалены объедками и залиты пивом. Гости больше не в силах ни есть, ни пить — те, кто еще не заснул. На полу хрустят черепки, между блюдами валяются забытые поясные ножи. Челядь пыталась прибираться, но жареных бычьих туш было три, не считая более мелкой скотины и дичи, и груды костей вновь росли. Гусяры уже охрипли, золотые струны полопались, и теперь гриди и отроки пели кто во что горазд. Расстегнуты были нарядные кафтаны, беленые сорочки украсились пятнами; Гудфаст расшумелся, братья Любомил и Мысливец, сыновья Трюгге, вдвоем вели его спать, а он цеплялся за косяки и чего-то кричал..

Хотелось тишины и покоя, но княгиня не могла рано уйти с прощального пира. Сегодня будут гулять, пока не заснут прямо за столом самые стойкие. Завтрашний день нарочно отведен для отдыха, а послезавтра с рассветом — на весло. Не верилось, что уже через день в Киеве, Любече, Вышгороде и Витичеве настанет тишина. Собранное двадцатитысячное войско не могло поместиться ни в одном из городов — даже в столице, — и распределялось по четырем. Старый Чернигошь в Любиче, Тормар в Витичеве, Ивор в Вышгороде сейчас тоже завершают такие же пиры. Послезавтра города опустеют, настанет покой..

Но эти мысли Эльга отгоняла прочь. Уже через два дня она будет о них жалеть. Она еще раз окинула взглядом гридницу, скользнула по растрепанным головам и помятым лицам. Несмотря на усталость, в груди стало тесно от тревоги и любви. Ей даже не надо было смотреть на Ингвара — молодого князя русского, — чтобы ощутить эту любовь. Он, ее муж, всего лишь голова руси, острие меча. Держат меч тысячи, десятки тысяч рук, и каждый из этих людей был дорог Эльге, как брат.

Брат! Она уже направленно поискала глазами Эймунда, но не нашла. Неужели хватило ума пойти отдыхать? На три года моложе ее, семнадцатилетний родной брат стоит на пороге своей славы. Думая о нем, Эльга так волновалась, будто идти в первый настоящий поход предстояло ей самой.

Взгляд зацепился за другое знакомое лицо. Мистина Свенельдич тоже выглядел усталым — немалая часть подготовки похода лежала на его широких плечах. И она, Эльга, через два дня останется дома отдыхать, а он уйдет с войском.

Сын Свенельда уже три года, с тех пор как Ингвар занял княжий стол, состоял сотским его гридей-телохранителей. Но перед походом Ингвар заменил его в этой должности Гримкелем Секирой, а Мистина собрал свою собственную дружину. Тут выяснилось, что за сокровища Свенельд хранил в прочных ларях своих клетей: у него хватило средств набрать, вооружить и снарядить двести человек и десять лодий для них.

На нынешнем пиру Ингвар перед всеми указал на Мистину как на преемника своих прав, если сам окажется убит, ранен, пленен или оторван от основной части войска. Выбору его никто не удивился: все знали, что два побратима с детства неразлучны и что своему нынешнему положению Ингвар во многом обязан Свенельду и его сыну.

Сейчас Мистина смотрел на Эльгу, проводя рукой по шее и груди в разрезе сорочки — в душной гриднице было жарко. Так смотрел, будто хотел что-то сказать... И сказать о том, о чем она ему запретила с ней говорить.

Но сегодня Эльга не чувствовала прежней твердости. Ведь еще два дня — и у них долго не будет возможности перекинуться словом. До осени. Если... Нет, до осени! О других возможных исходах затеянного дела Эльга не хотела думать.

Лишь на миг их взгляды встретились, но этого хватило. Мысленно махнув рукой на собственные зарок, Эльга неприменно осмотрелась, встала и прошла к двери. Никто не обратит внимания: княгиня весь день ходит то в поварню, то в погреба. Погреба... Чуры дорогие, ни пива, ни меда готового, кроме недавно поставленного и еще незрелого, у них к утру не оста-

нется. Велела спрятать и заперла две последние бочки пива — опохмелиться ближней дружине. . .

Снаружи свежесть ранней весенней ночи так и пала на плечи, и Эльга с наслаждением втянула в грудь прохладный воздух. После душной дымной зимы возможность выйти в одном платье еще несла блаженство. Заросли на склонах киевских гор уже оделись зеленью — наступил травень-месяц, растаял лед, шедший с верховьев Днепра, и высокая вода обещала стрелой промчатъ тысячу лодий мимо крутых берегов над порогами в Греческое море.

Во дворе тоже толпился народ. Ворота стояли нараспашку — непорядок, но сегодня приходится терпеть. Гриди, отроки, киевляне, вои — все бродили туда-сюда, слышался разноязычный говор. Эльга прошла в избу. Трое отроков на скамье под навесом смотрели на Ингваровых гридей с завистью: три десятка ближней дружины оставались беречь княгиню, им не видать ратной славы в это лето.

В доме было пусто, огня не горело. Вся челядь занята на пиру, Добрета уложила Святку в бывшей Малфридиной избе и сидит с ним. Ему уже три с половиной года, и сегодня поутру, когда Ингвар приносил жеребца в жертву Перуну на Святой горе, наследник его стоял рядом, держась за руку матери. И он кричал «Перуну слава!» (у него пока получалось: «Пелуну сава») со всеми вместе, и в гуще мужских голосов его звонкий детский голосок блестел, как солнечный лучик. Ингвар его услышал: подхватил сына на руки и поднял над головой, призывая благословение Перуна и на него, будущего воина и своего наследника. И Святка тянулся к небу, восторженно крича; Эльга даже испугалась, что сейчас дитя вырвется из отцовских рук и унесется в голубую высь. От вершины Святой горы до неба так близко. . . А она не может отпустить сына, он у нее один. . . Все еще.

Эльга ждала, застыв у двери в пустой темной избе. Было чувство, что она должна выполнить какой-то позабытый, но очень важный долг, без чего никому не будет удачи: ни ей, ни войску.

Он сейчас придет. . . Она ничего ему не сказала, но он и так все понял. Как это много раз бывало между ними, у Эльги было

двойственное чувство: она ждала его и при этом считала свою уверенность неосновательной. Но и раньше разум всегда проигрывал чутью.

Как давно они не виделись наедине — почти полтора года. С тех пор как она решила, что это ни к чему...

Скрипнуло крыльцо под ногами — послышались тяжелые, мужские шаги, — но отроки пропустили пришедшего молча. Так они пропускали только двоих: самого князя и его побратима. И по скрипу крыльца Эльга знала, который из двоих идет.

Свенельдов сын вошел, низко наклоняясь под притолокой, затворил за собой дверь, увидел хозяйку совсем рядом и остановился. Но ничего не сказал, и у Эльги бешено забилося сердце. Бывает молчание, несущее больше, чем могут вместить слова.

С прошлой зимы, поняв, что до большой беды остался один шаг, она стала обращаться с Мистиной сдержаннее. Закончились шуточки про баню и бусы, двусмысленные речи, намеки, которым придавал значение лишь голос и взгляд говорившего. Эльга ужаснулась, поняв, что вот-вот может стать нечестной. И еще больше ее напугало то, что Мистина, казалось, ничуть не боялся их общего бесчестья.

Закон и обычай указывают каждому нижнюю грань допустимого — если не в мыслях и желаниях, то хотя бы в поступках. Но Мистина дозволенное и недозволенное определял для себя сам, и Эльга не решалась бросать взгляд в глубины его души.

Прошлой зимой, получив прямой отказ, он отступил, принял вид любезного родича, и порой ей не верилось, что в прошлом она бывала так безрассудна и позволяла ему такие смелые... шуточки. В начале минувшей осени обозначился нынешний поход, для всех нашлось дело. Мистине приходилось много ездить, собирая войско, он месяцами не бывал в Киеве; Эльгу тоже отвлекали заботы, и порой Мистина отодвигался в ее мыслях так далеко, что на какое-то время она переставала ощущать его присутствие в своей жизни.

Но часто она скучала по прежнему Мистине: ведь по сути, прошлой зимой она запретила ему говорить с ней откровен-

но. И после того, даже стоя рядом с ним, ощущала его как бы находящимся за прозрачной стеной. Но крепилась: эта стена охраняла и честь семьи, и благополучие державы. И только в этот вечер, когда все дела с походом были завершены, Эльга осознала: еще день, и между ними встанет борт лодьи. А это преграда посильнее любых стен. Потом — Греческое море...

Стало холодно от мысли, что уже через два дня они с Утой обе останутся без мужей. И сейчас, смутно различая фигуру Мистины в темноте у двери, Эльга ощущала его присутствие с такой же яркой полнотой, как в тот тревожный вечер, когда он показывал ей свой шлем с новой позолоченной отделкой. Она вспомнила сразу так много — о нем и о себе, — что от волнения стало трудно дышать.

— Хочу с тобой проститься, — донесся из полутьмы низкий, усталый и оттого непривычно невыразительный голос. — Завтра уже будет ли час, нет ли. . .

Эльга не нашла ответа. По голосу его стало ясно: и он ничего не забыл.

— Ты будешь меня ждать?

Она молчала. Мистина Свенельдич — побратим ее мужа и муж ее сестры. Довольно поводов, чтобы сказать «да». Но он спрашивал не об этом. Он спрашивал не как родич. И то, что Эльга это понимала, будило в ней испуг не меньший, чем волнение. Все, что она считала оставшимся в прошлом, вдруг вновь встало совсем рядом во весь рост. Будто призрак, что скроется с глаз, но не отстанет, как ни беги.

Хорошо, что в избе было темно и она даже не видела его лица — лишь различала рослую фигуру, прислонившуюся к косяку, тусклый блеск золотной тесьмы на голубом шелковом кафтоне — подарке королевы Сванхейд из Хольмгарда. Но и так Эльгу не покидало ощущение, что Мистины как-то уж очень много.

За эти полтора года бывало, что влечение к нему накатывало на нее, будто мучительная хворь, и целыми днями она не могла думать ни о чем другом. Но Эльга хорошо понимала: за той дверью, что она держит запертой, никакого простора нет. Открыв ее, шагнуть можно только в пропасть.

— Возьми, — Мистина сделал какое-то движение возле своей головы, потом придвинулся к Эльге, нашел в полутьме ее руку и вложил в нее что-то — небольшое, продолговатое и твердое, костяное на ощупь.

— Что это? — Эльга подняла врученное к лицу и тут же узнала — скорее пальцами, чем глазами.

Это был оберег, еще хранивший тепло его тела, — медвежий клык с искусно вырезанными на концах мордой и хвостом ящера. В отверстие меж ящеровых зубов было вставлено серебряное колечко, а через него пропущен ремешок.

«В тот самый день, когда я родился, тронулся лед на Волхове, — рассказал он ей когда-то, еще до похода Хельги на хазар. — Это означало, что Ящер проснулся. Сванхейд сказала тогда, что Ящер и медведь будут моими покровителями. . . »

— Что ты? — Эльга в изумлении подняла глаза к лицу Мистины. — Ты отдаешь мне своего ящера? А как же ты без него?

— В нем моя жизнь. Сохрани ее для меня.

Эльга помолчала, потом осторожно спросила:

— Ты сильно пьян?

Было бы о чем спрашивать — словно она не видела, сколько чаш и рогов он сегодня поднял на пиру и сколько людей жаждало выпить с ним. На два года старше Ингвара, двадцатипятилетний Мстислав Свенельдич был первым среди воевод и вторым после князя человеком в войске.

— Порядком, но в уме, — спокойно ответил он.

— Ты уверен? — Она качнула в руке костяного ящера.

— Да. Мне ведь остается торсхаммер. — Мистина положил руку на грудь, где висел на хитро сплетенной серебряной цепи второй оберег, варяжский. — А ящер пусть будет у тебя. Мужчины отнимают жизнь, а женщины дают и сохраняют. Побереги мою у себя. Так вернее.

Можно было бы спросить, почему он не отдаст свою жизнь на хранение собственной жене. . . Но не нужно. Один ответ на этот вопрос был слишком очевиден, чтобы давать его вслух, а другой, наоборот, оглашать не стоило.

Эльга прижала к груди руку с ящером. Как княгиня она сегодня уже призвала на него благословение богов — заодно со всем войском. Но кое-что в ее душе предназначалось только для него. И сейчас, в весенней тьме предпоследнего вечера мирной жизни, это что-то вырвалось из того тайного хранилища, куда Эльга старательно его затолкала, и властно заявило о себе. Запертая дверь распахнулась сама собой, и неодолимая сила потянула Эльгу вперед. Бороться с этой силой было так же бесполезно, как пытаться руками остановить течение реки.

Этого не должно быть. Она никогда ему об этом не скажет. . . и себе тоже. Но едва успев вылепить в голове эту мысль, Эльга положила свободную руку ему на грудь и потянулась вверх. Мистина наклонился к ней, обнял, мягко прижался губами к ее губам и так застыл. Она слышала, как сильно, гулко бьется его сердце под ее ладонью. Ясно было, чего он ждет. Разрешения после однажды наложенного запрета.

Отчетливо сознавая, что этого делать не надо, Эльга тем не менее приоткрыла рот и позволила ему превратить поцелуй из родственно-вежливого в любовный. Есть вещи сильнее разума: его запах, кружащее голову ощущение его близости, щекочущее прикосновение бороды к лицу, тепло рта с легким запахом хмельного меда. . .

Торопясь, пока она не передумала, он накрыл ладонью ее затылок и погрузился в поцелуй, как в воду с головой. С такой готовностью, будто вечер тот был не почти полтора года назад, а лишь на днях, и все это время он с нетерпением ждал продолжения. Его спокойствие, близкое к равнодушию, оказалось притворным.

Сначала Эльга замерла в нерешительности, понимая: каждое мгновение податливости приближает ее гибель. Но потом стала отвечать ему — каждый шаг на этом пути был так сладок, что не хватало воли отстраниться. Другой рукой он крепко прижимал ее к себе, и она чувствовала, как сильно он возбужден и как мало намерен это скрыть. Трудно было открыть глаза, разум и воля растворялись в этом жарком облаке, оставляя одно стремление — слиться с ним как можно полнее.

Оторвавшись от ее губ, Мистина стал жадно целовать ее в шею под краем шелкового убруса. Слабели ноги, и только уголком сознания Эльга отмечала: если она сейчас не прекратит это, то дальше он просто не услышит ее. Он давно решился и ждал только ее знака. Однажды она сказала «нет», но он лишь притворился, будто отступил, и стал терпеливо ждать, пока она передумает. А он свой выбор давно сделал и его держался. В уверенности, что ее упорство растает раньше.

Но за бесчестьем и беда не замедлит. А им вот-вот идти на войну — ему и Ингвару, мужу ее..

— Пусти! — выдохнула Эльга, пытаясь его оттолкнуть. — Уймись! Не гневи богов перед походом!

Мистина выпустил ее и помолчал, пока она старалась прийти в себя и дрожащими руками поправляла сбитый убрус.

— Я ведь могу не вернуться.. — напомнил он то самое, о чем она не хотела думать.

Лишь это сейчас и казалось важным.

— Ты вернее уцелеешь, если..

«Если не отнимешь честь своего побратима.. И свою.. И я вернее дождусь мужа невредимым, если не уроню его чести..» Эльга не сумела подобрать слов для этих обрывочных мыслей, но ясно понимала: человек достойный скорее может надеяться на благосклонность богов и потому не стоит совершать предательство, даже семейное, за день до начала войны. И сказала другое:

— Если будешь знать.. Что еще не было ничего!

И наконец справилась с собой настолько, чтобы взглянуть ему в лицо. Даже его кривоватый нос с горбинкой от давнего перелома казался ей самым красивым в Киеве. Глядя на Мистину, Эльга хорошо понимала, почему так далеко зашла, пусть и ужасаясь самой себе. Напрасно она посчитала, будто исцелилась. Стоило вновь подпустить его близко, как чары вернулись и овладели ею.

— Это обещание? — Он тоже опомнился настолько, чтобы усмехнуться.

— Этого я не говорила! А ящера сохраню. Ступай.

Без единого слова он развернулся и вышел.

Эльга осталась на прежнем месте, прижимая к груди руку с костяным ящером, а другую приложив ко рту. Пытаясь не то взять назад те слова, что и впрямь слишком походили на обещание, не то сохранить тепло его жизни, которое он так щедро вкладывал в свои поцелуи.

* * *

Эймунд ушел с пира куда раньше, чем сестра-княгиня о нем вспомнила. Не будь Эльга так занята своим, легко догадалась бы, где искать младшего брата.

— Ты куда это? — окликнул его собственный старший телохранитель, Богославец.

— Пройтись хочу. Жарко там.

— Далеко пройти? Сейчас коня дам.

— Да не надо мне коня! — Эймунд нахмурился, скрывая смущение: не очень хотелось, чтобы отроки его сопровождали.

— Надо! — уверенно кивнул Богославец. — Мы здесь не дома, в Киеве тебе пешком ходить — честь ронять. Обожди, Дыбуля живо оседлает.

И пришлось отправляться, как положено воеводе: верхом и с тремя отроками. В душе Эймунд понимал, что пока мало успел сделать для своей чести, а родовая честь уже владела и управляла им.

Иные отроки и во сне не могут увидеть — в семнадцать лет, не женившись даже, встать во главе трехсотенной дружины из северных кривичей и русов. Но племянник Олега Вещего и родной брат киевской княгини и был рожден именно для такой судьбы. Родичи с берегов реки Великой — из Варягина, Люботина и Плескова — на общем совете выбрали его. Не считая дяди Торлейва, нынешнего главы Олегова рода, Эймунд оказался в нем старшим из мужчин, кто еще оставался на привычном месте. Пять лет назад уехал в Киев двоюродный брат Асмунд, два года назад — сводный брат Хельги Красный. Олейв и Кетиль были еще отрочати¹, а Эймунду пришла пора искать свою славу.

¹ Отроча — подросток от 7 до 14 лет.

Путь от Плескова до Киева с войском занял почти полтора месяца. Едва успели до того, как лед на реках стал ненадежен. Здесь заселились в дружинные дома на пустыре, выстроенные Ингваром за минувшую зиму. Ждали, пока пройдет ледоход, пока спустятся сверху лодьи и подтянутся остальные дружины. Скучать было некогда. Ингваровы сотские заставляли каждый день упражняться: стрелять, метать сулицы, биться копьем и топором, учили ратников ходить «стеной щитов». Часто, когда Эймунд уже засыпал, перед глазами у него все топали по снегу ноги в черевьях и набитых соломой поршнях, теснился ряд сомкнутых щитов, блестел золоченый шлем воеводы — по нему и по стягу бойцов учили соизмерять свои передвижения в бою. И отдавался в голове повелительный голос зятя Мистины Свенельдича: «Шаг! Шаг! Надо, паробки, надо!»

Но вот все это позади. Лодьи оснащены и загружены поклажей, сегодня его предпоследний вечер в Киеве. Дальше — поход, и тогда уже станет ясно, не напрасно ли ему досталась такая честь и достоин ли он, Эймунд сын Вальгарда, зваться родным племянником Олега Вещего — победителя Царьграда.

На широком Свенельдовом дворе было тихо, многочисленные постройки стояли с закрытыми дверями. Дружины обоих воевод — старого и молодого — сейчас гуляли на Олеговой горе, а почти вся челядь ушла вместе с Утой туда же — помогать княгине в хлопотах. Дома оставались сторожа и малолетние заложники, опекаемые доброй воеводшей Утой.

Однако Эймунда пропустили без вопросов. Старшина сторожей, Бьярки Кривой, буркнул: «Никого нет», держа, однако, воротную створку полуоткрытой: пусть брат хозяйки сам решает, заходить или нет.

Эймунд предпочел войти. Во дворе сразу повернул к «девичьей» избе, где обитала часть женской прислуги и дети. Тихо постучал: может, спят уже. Вслушался в тишину внутри. Весенние сумерки прохладной ладонью ерошили волосы на затылке, и среди них от этой тишины Эймунд волновался еще сильнее. Казалось, сквозь толстую дубовую дверь и бревенчатую стену

он различает легкие шаги по дощатому полу. И правда: когда шаги приблизились, дверь отворилась.

За порогом стояла невысокая девушка в варяжском платье некрашеной светло-серой шерсти — Дивуша. Увидев Эймунда, переменилась в лице, будто удивилась и смутилась. Эймунда слегка покорило: показалось, она ожидала кого-то другого. Дивуша оглянулась в полутьму тихой избы, потом живо перебралась через порог и притворила дверь за собой.

— Никого нет! — шепнула она то же, что и Бьярки. — Только я и девчонки. Воеводы оба у князя, и Ута тоже. Думала, это Зорян, — добавила она, и у Эймунда отлегло от сердца. — Ждала, может, все же зайдет проститься, брат все-таки родной... Будь жив, — с опозданием добавила она.

— Видел его там, у князя, — кивнул Эймунд. — Будь жива...

Втайне он радовался, что молодой ловацкий князь не пришел прощаться с сестрой, ибо в его обществе ничего приятного не было. Заключение ряд обязывал Зоряна поддерживать Ингвара военной силой. Но память о том, как Ловать попала под власть Киева, была еще совсем свежа, и желающие воевать за русов там находились с трудом. Большинство готовых взяться за оружие сами же Ингвар со Свенельдом и перебили пять лет назад, в войне за Эльгино приданое, и для похода на греков Зорян Дивиславич набрал всего три десятка отроков.

— И... — вопросительно произнесла Дивуша, не смея сказать княгининому родичу «чего тебе надо?».

Эймунд помедлил. От смущения тянуло развернуться и уйти, но тогда перед самым собой будет стыдно — чего же приходил? И перед отроками...

— Ты-то не спишь еще?

— Боярыню жду. Я если одна остаюсь с младшими, то не ложусь, пока Ута не вернется.

— Давай вместе ждать? — неловко предложил Эймунд.

— Т-туда нельзя, — с запинкой Дивуша кивнула на дверь позади себя. — Наши спят.

Она прошла по крыльцу и села на скамью под навесом, где челядинки в теплую пору года шили при дневном свете. Вид

ее выражал смущение: она не привыкла принимать знатных гостей сама, без хозяев. Пусть даже эти знатные гости всего на пару лет старше ее самой. Но что за важность — годы. Перед ней стоял братанич Олега Вещего, сестрич Воислава плесковского, родной брат киевской княгини Эльги. Воевода северной кривской земли. Все эти звания почти заслоняли от глаз его самого; сколько лет ее вечернему гостю, Дивуша задумалась бы в последнюю очередь.

Зачем он пришел? Когда Эймунд навещал сестру Уту, Дивуша тайком поглядывала на него, и каждый раз внутри проходила теплая дрожь, тревожная и радостная. Сама все пыталась понять: чего в нем такого особенного? Высокий рост, светлые волосы, прямой нос, острый подбородок, выступающие скулы, из-за чего щеки на продолговатом лице кажутся слегка впалыми. Таких парней много, но Дивуше мерещилось, будто на лице Эймунда всегда лежит солнечный луч. Глаза его напоминали глаза княгини: ярко-голубые, без зеленоватого отлива, они так же искрились при ярком свете, будто два самоцвета. Никогда еще Дивуша не видела у мужчины таких красивых глаз! И все эти два месяца, что Эймунд провел в Киеве, ее не покидало ощущение, будто в жизни появилось нечто хорошее, сулящее радость.

Нынче вечером Дивуша вспоминала Эймунда, вздыхая про себя: остался один день до отбытия дружины, и едва ли он успеет заглянуть сюда еще раз. А на пристань, посмотреть на уход войска, Ута, скорее всего, юных питомиц не пустит... Но теперь, когда княгинин брат вдруг взял и сам пришел, будто притянутый ее мыслями, Дивуша растерялась. О чем с ним говорить? И чего он ждет?

На этот вопрос Эймунд и сам не смог бы ответить. Ему случилось видеть Дивушу в доме Уты, но девушка или хлопотала по хозяйству, неслышно скользя у стола, или возилась с младшими девочками, или сидела в углу на ларе, занятая вязанием белого чулочка. Иногда посматривала на него, но с приличной скромностью отводила глаза от его взгляда. Его тянуло поговорить с ней наедине, когда не надо отвлекаться ни на

кого другого. Но только в почти последний вечер, зная, что сейчас всем не до него, он и решился на это. А теперь не находил слов.

Эймунд поколебался: садиться на бабскую скамью ему было не к лицу, но не стоять же возле девушки «бдыном», как говорит сестра Эльга. Оглянувшись, он убедился, что на широком дворе почти никого нет, и осторожно присел рядом с Дивушей. Только трое его отроков отдыхали возле коновязи, и Бьярки Кривой обосновался на колоде у ворот.

— Он нынче всю ночь спать не будет, — шепнула Дивуша, заметив, куда Эймунд смотрит. — Полнолуние, — она показала в светло-синее, холодное небо, где уже восходила круглая и яркая, как новенький сарацинский шеляг, луна. — К нему такими ночами побратимы его мертвые приходят. Он и беседует с ними до первых петухов.

— Какие еще побратимы?

— Плишка Щербина и Шкуродер. Я их не знала, они сгинули в ту зиму, когда мы только в Киев приехали, но мы еще совсем детьми были. Только слышала, как Бьярки про них братьям рассказывал. А что ты не на пиру?

— Да упились уже все, — Эймунд слегка нахмурился, глядя на Бьярки у ворот. — Скучно там. Все песни перепели, все пляски переплясали и под стол упали.

Дивуша фыркнула от смеха, и это подбодрило Эймунда.

— Скорее бы уж выступать..

— Ждешь? — Дивуша с пониманием взглянула на него.

Пять лет она росла среди людей, для которых заморский поход был почти таким же ежегодным явлением, как для оратая пахота и сев. И жены русов ожидали к осени «урожая», ради которого им не приходилось бы гнуть спины на жатве: красивых паволок, серебряных шелягов, медной посуды.

Эймунд кивнул.

— Мои три брата тоже пойдут, — добавила она. — Колояр и Соломка — с гридями, и Зорян с Ловати дружину привел.

— Те двое не молоды ли воевать? Они ведь младше тебя?

— Им по четырнадцать.

— Двойки¹, что ли? — усмехнулся Эймунд. — А вроде не похожи друг на друга.

— Колояр — наш двоюродный брат, сын Держаны, сестры нашей матери. Она с нами сюда приехала, а два года назад умерла, как раз в эти же дни, — Дивуша кивнула на березку в углу двора, вновь одетую нежной листвой. — Видели бы наши матери нынче сыновей! — вздохнула она. — Могли ли подумать или хоть во сне увидеть, что их чада с русами в поход за море пойдут. Привезли их сюда чадами осиротевшими, и вот братья мои уже гриди! Обещают мне цветного платья привезти и всякого узорочья греческого.

Если князь Зорян в поход шел с явной неохотой, только в силу обязанности, то Колояр и Соломир, воспитанные на Свенельдовом дворе среди оружников, впитали все взгляды и устремления русских дружин. Год назад, когда им было по тринадцать, Ингвар вручил им по мечу и принял их клятвы верной службы. Высокий род давал им право на такую честь в столь юном возрасте, а клятва вождю, данная однажды, сохранит силу на всю жизнь. Сейчас они собирались в поход в рядах ближней Ингваровой дружины и жаждали отличиться. Хотя, как прямо сказал им Мистина: «Вы будете молодцы, если на первый раз просто останетесь в живых».

— И платья привезем, и узорочья, — уверенно кивнул Эймунд. — За тем и едем.

— Купалие пропустите, — вздохнула Дивуша.

— Да, это жаль... А что здесь на Купалие бывает?

Дивуша стала рассказывать: как полянские девушки приносят на луг березу, украшают венками, как водят круг и поют песню «На нашем поле да четыре сокола», потом топят березку и купаются с ней сами. Как вечером парни раскладывают костры и зовут девушек через них прыгать, и как на рассвете все идут по домам и поют: «Не стой, верба, над водою, не пускай травы по Дунаю...»

— Почему по Дунаю? — не понял Эймунд. — Тут же Днепр.

— Не знаю. Я тоже раньше спрашивала, а мне сказали, всегда так пели.

¹ Близнецы, двойняшки.

Если бы не поход, с Дивушей Эймунд и гулял бы у купальских костров над Днепром. Он уже видел себя, рука об руку с нею: пышные венки на головах, цветущие стебли трав торчат во все стороны, будто лучи от лика Дажьбожьего. Потом нахмурился: ведь его здесь в это время не будет. И какой-нибудь другой парень наденет на нее венок и возьмет за руку... Целоваться еще в кругу полезет, коз-зел безрогий... Какой-нибудь трус и рохля... Кому еще здесь остаться на лето — все бойкие отроки на Греческое море уйдут!

— Ты... пойдешь на Купалие? — Он не решился спросить: «С кем ты пойдешь?»

— Не знаю... Как Ута скажет. Может, и не пустит. Она и прошлым летом нас с Предславой от себя не отпускала. Говорила, вы уже взрослые, мало ли что... У Предславы уже есть жених, ей красоваться незачем. Подрастет еще немного — ее в Деревлянь свезут, за Володислава, Добронегова сына. И будет она у нас княгиня древлянская.

— А ты? — Эймунд обеспокоенно повернулся к Дивуше.

Что, если у нее тоже есть жених? Она хоть и пленница, и заложница, а все же — княжьего рода и по отцу, и по матери. Таким невестам, бывает, женихов подбирают раньше, чем впервые косичку заплетут.

— Что — я? — Дивуша смотрела на свои руки с мозолями на пальцах от шитья и прядения.

— Ну... — Эймунд набрал воздуха и вспомнил, что ему-то не полагается робеть и мямлить. Даже с девушкой. — У тебя есть жених?

— У меня... — Дивуша тоже глубоко вдохнула, потом робко-доверительно взглянула на него и созналась: — Я не знаю.

— Как так? Тебя не обручали ни с кем?

— Нет... Чтобы я знала — нет. Но Ута однажды сказала...

— Что сказала?

— Что княгиня о нас позаботится. Подберет нам женихов — мне, Живлянке, Делянке...

— И как же она думает... О вас позаботиться?

Сестра Эльга должна как следует постараться, чтобы Дивуше достался не какой-нибудь рохля или низкородный!

Эймунда тревожила эта мысль, но он не вполне понимал почему.

— Не знаю..

Вдруг загорелись щеки, и Дивуша прижала к ним холодные ладони. Она уже озябла на дворе в одном платье, надо было свиту взять. Сходить? Но не всю же ночь она собирается с ним тут сидеть!

— Хочешь, я скажу ей, чтобы.. — начал Эймунд.

— Что? — Дивуша бросила на него неуверенный взгляд.

— Ну..

Эймунд сам толком не знал. Сначала он хотел сказать, что попросит сестру позаботиться о дочерях Дивислава получше, чтобы женихи были добрые, знатные и богатые. И только потом в голове мелькнуло: может, я и сам сгожусь? Мысль была нова и непривычна: как и все, он с детства знал, что невесту ему подберут старшие родичи. Стрыиня Кресава Доброзоровна, провожая его из Варягина, намекала, что, может, Элга в Киеве его и женит. Это Эймунду понравилось: раз уж он возглавлял войско, оставалось только жениться, чтобы из отрока стать мужчиной. И чем больше он прославится в походе, тем лучше невесту ему потом найдут.

А сейчас подумалось: может, искать и не придется? Отроки, говоря о предстоящем походе, часто мечтали о красных девках греческих: у иных взять полонянку было единственной возможностью жениться. А Эймунд вдруг осознал: его желанная награда — не за морем, она будет ждать его здесь, в Киеве. И как самое большое счастье представил, что, может быть, по возвращении из похода увезет отсюда домой в Плесков и Дивушу.

И все это представилось ему так ясно, что, казалось, и Дивуша должна увидеть его мысли в повисшей тишине, где Эймунд слышал только стук своего сердца. И не находил слов. Но, к счастью, девушка сама прервала молчание.

— Я лучше тебя попрошу..

— Да? — Эймунд с ожиданием вскинул глаза.

— О братьях.. Понимаю, у тебя своя дружина, свои люди, забот полно.. Но, может.. Им же всего по четырнадцать, они

дальше Вышгорода да Витичева и не бывали никогда. Я просила Зоряна.. Но он.. — Дивуша мялась, сжимая пальцы. — Они ссорились. Он их попрекал: вы, дескать, свой род забыли, русам предались.. А как им быть: они тут, во всей власти.. Да они и не знают уже другой семьи, из родных не помнят никого. Зоряну уже четырнадцать было, когда отец погиб, а они были совсем дитяти, им Ингвар первые мечи деревянные дал и сам учил биться. Конечно, они его за отца почитают и клятву ему принесли. Зорян приходил два раза.. Гневался.. И не показывается больше. Ты поможешь им, Колошке и Соломке, если что?

— Само собой! — охотно откликнулся Эймунд. — Присмотрю за ними. Они же и сейчас.. Отрочати еще совсем, — снисходительно добавил воевода с первым светлым пушком на подбородке.

— Благо тебе буди! — Дивуша подняла на него глаза и улыбнулась. Потом встала. — Пойду я. Озябла.

Эймунд в душе устыдился, что держал девушку столько времени на холоде, и не нашел, что сказать на прощание. Дивуша скользнула по длинному крыльцу к двери, толкнула ее, обернулась и, кажется, еще раз улыбнулась — он не был уверен, что разглядел ее лицо, — и исчезла.

Неслышно затворилась дверь, и Эймунд остался на воеводском дворе, широком, как целый городец. И было чувство, будто он один во всем свете белом. А она ушла не всего лишь в избу за дубовую дверь, а куда-то в Навь, куда и нет ходу простому человеку.. И никогда больше он ее не увидит..

Пока они беседовали, совсем стемнело. Луна на темно-синем небе из шеляга выросла в целое блюдо яркого серебра. Бьярки Кривой сидел на своей колоде и бормотал, сквозь лунные лучи глядя в тень у ворот:

— Силищи нагнали, братцы, вы не поверите! В Киеве у Почайны стоит триста лодий! В Любиче на Кораблице стоит триста лодий! В Вышгороде — двести! Да в Витичеве — двести! Говорят, у Вещего столько было, как он на Царьград ходил. Как будто они знают! Мы знаем, как Вещий на Царьград ходил, да, Щербина? Нас бы они спросили.. Все бы им толковать, о чем

не ведают... Сами сулицей с пяти шагов в бычью шкуру не упадут, а разговору, будто Царьград брали по три раза... Вот мы с вами ходили когда...

Эймунд вспомнил слова Дивуши: в ночи полнолуния кри-вой сторож беседует со своими давно умершими побратимами. Похоже, они уже здесь, он видит их своим слепым оком.

От прохлады весенней ночи пробирала дрожь, и все же Эймунд лишь на миг замешкался, направляясь к своей лошади. Выезжая из ворот, не оглядывался, но краем глаза будто видел, как неведомые ему Щербина и Шкуродер скалят блестящие под луной зубы из тени под тыном...

* * *

Войско уходило с рассветом. Остались позади пиры, возлияния, речи над чашами и вопли жен. Каждый боярин выводил свою дружину, рассаживал по приготовленным лодьям, и рог возвещал отправку. Пускаться в путь всем одновременно не было нужды: лодьи выходили нынешним утром из четырех городов, и лишь вечером им нужно будет соединиться в назначенном месте ночлега. А это место, заранее подобранное высланными вперед отрядами, растянется на полперехода пешком. И так — еще неделю, до самых порогов, где уже понадобится держать силу в кулаке.

Отроки брались за весла. Выйдя на простор реки — ставили парус. Вскоре весь Днепр покрылся льняными и шерстяными крылами. С вершины Святой горы было похоже, будто сотни белых цветков одолень-травы плывут вниз по течению. Над водой далеко разносился прощальный голос рога. С такого расстояния все лодьи казались почти одинаковыми — лишь одни побольше, другие поменьше. Эльга не могла разглядеть красную искорку Ингварова стяга, только знала: она где-то там.

Когда на заре Ингвар уходил из дома, он был молчалив и сосредоточен. Сдержанно поцеловал середину стола, как положено перед дальней дорогой, взволнованную жену, заспанного сына. Все назначенное для богов и людей он уже сказал: на Святой горе, на причалах, где освящали жертвенной кровью лодьи,

весла и паруса, на пиру над братиной. Но сейчас он прощался со своим домом, женой и ребенком не как князь русский, а как всякий из двадцати тысяч мужчин, уходящих с ним в эту дорогу. Весь мир, на какой молодая княжеская чета привыкла смотреть с высоты, сжался до размеров избы, и себя они ощущали простой семьей, откуда отец и защитник уходит надолго. Эльга прижимала к себе Святку, и ее наполняло чувство сиротства — одиночества и бесприютности.

— Ну... Не скучай, княгиня.

Ингвар остановился в последний раз у порога и окинул глазами избу — будто проверял, не забыл ли что. Лицо его, обычно оживленное, сейчас стало замкнутым, невыразительным, чуть ли не туповатым. Но Эльга смотрела на него в благоговении, с замирающим сердцем. Она знала: эта неподвижность есть внутренняя сосредоточенность на своей судьбе. В такие мгновения мысленный взор обостряется и достигает самых глубин души, ее источника, где норны прядут твою нить. Ингвар видел впереди нечто важное, может быть, сокрушительное. Но он не мог остановиться. Его вела судьба, что сильнее разума и воли. Об этом говорится в преданиях, и это раз за разом вновь подтверждается жизнью: даже видя свою кровь на дороге впереди, человек не в силах свернуть с нее. Предания учат стойко встречать свою судьбу. Ведь что ты без нее? Человек ли?

При виде этой печати судьбы у Эльги замирало сердце и умолкали уста. Что она могла сделать? Сказать ему: «Не ходи в поход» — так же бессмысленно, как сказать реке: «Не теки». Власть судьбы неодолима для обычного человека, так что же говорить о том, кто несет на себе судьбу всей руси? И хотя ей самой ничего не грозило, жизнь ее так тесно связана с жизнью мужа, что эту дорогу она пройдет вместе с ним — пусть и мысленно. И свою женскую долю ожидания ей тоже нужно принять достойно.

Когда Ингвар с гридями ушел на пристань к лодьям, Эльга с сыном отправилась на Святую гору. Сюда же собрались нарядные женщины — ее родственницы и жены бояр. Почти всех сопровождали няньки с детьми, мальчики с тоской смотрели

вслед отцам, не в силах дожидаться, когда сами вырастут и отправятся с ними. Наверное, глазам богов русские жены, одетые в цветное платье, представляются венком живых цветов на зелени травы. А те, кого они провожают, их не увидят с реки. Да и смотреть в эту сторону не будут: мысли мужчин уже далеко впереди, у порогов, где возможны столкновения с печенегами — союзниками греков. А кто-то уже и видит стены самого Царьграда...

— Смотри! — Эльга с усилием подняла на руки Святку, желая в последний миг немного приблизить его к отцу, и кивнула ему на реку. — Там батька твой. Пошел на греков. Вернется, добычи привезет. Сосудов золотых, камней самоцветных, паволок драгоценных...

— И я пливезу!

— И ты! — Со вздохом Эльга опустила его наземь.

Лодьи еще не скрылись из глаз, а уже наваливалась тоска пустоты, сквозь вязкую толщу которой пускала первые бледные ростки тревога. Не в первый раз Эльга провожала дружину и мужа из Киева — полюдьё бывает каждый год, — но впервые на ее памяти Ингвар и его соратники уходили на полуденную сторону. На Царьград, куда уже лет сто устремлялись честолюбивые мечты русов. Вот и Ингвар возмужал настолько, что отважился встать на след Вещего. А она, Эльга, стала владычицей державы, посмевавшей бросить вызов ромейским василевсам.

Нынешние гриди выросли на преданиях об Олеговом походе на греков. Князя — его наследники — пользовались плодами утвержденного им ряда. Но Ингвару пришлось заключать все договора заново, и вот тут оказалось, что греки сперва желают от него услуги: поддержать их удар на владения каганата в Таврии. Не желая покидать Киев в первое же лето после вокняжения, Ингвар послал на хазарский город Самкрай своего родича — Хельги Красного, сводного брата Эльги. И Хельги преуспел куда больше, чем греки рассчитывали. С досады херсонский стратиг Кирилл отнял у него половину добычи, а Хельги на это ответил разорением Нижнего города греческой Сугдеи и заключением союза с хазарским полководцем по имени Песах.

И уже по уговору с Песахом нынче летом русы отправились войной на греков — врагов и каганата, и Руси. Итогом похода, в случае удачи, должна была стать не только слава и добыча. Разгромив греков, Ингвар мог рассчитывать на такой же выгодный торговый договор, какой был у Вещего. И еще более выгодный — с хазарами.

За хлопотами долгой подготовки похода Эльге было особенно некогда об этом думать. Но сейчас, когда у нее на глазах последние белые лепестки парусов исчезали вдаль, сливаясь с блеском воды, она понимала: решается судьба Руси. Ее будущая честь, слава, достаток. Возможность крепнуть, расширяться. Пускать корень глубже в эту землю, раскидывать шире ветви над многочисленными племенами славян, чуди, степи и южного поморья.

Оглядевшись, она нашла взглядом Святку — княжич носился меж отроков наперегонки со своим братом Улебкой, сыном Уты. Оба размахивали деревянными мечами, неизменными спутниками любой их прогулки — точными подобиями отцовских.

Эльга подозвала сына к себе и обняла. Этот маленький светловолосый мальчик был будто капля росы, вместившая солнце — ради него и его будущего отправилось в поход двадцатитысячное войско, и от него зависело, чтобы в будущем эти труды не оказались напрасны.

И от огромности этой судьбы, которую она не отделяла от своей, у Эльги захватывало дух.

* * *

Пороги на Днепре русское войско миновало благополучно. Пока дружина перетаскивала лодьи между верхним станом и нижним, дозорные с курганов постоянно видели вдаль печенежские отряды: те держали пороги под присмотром и приценивались к добыче. Столь огромное войско, конечно, было им не по зубам, и степняки благоразумно держались подальше. Тем не менее Ингвар приказывал ночами постоянно обливать водой просмоленные борта лодий, чтобы их при внезапном нападении нельзя было поджечь пылающими стрелами.

После выхода из устья Днепра еще пять дней шли вдоль берега моря на юг. До устья Днестра лежали земли тиверцев, а дальше расстилались земли царства Болгарского. Болгарский царь Петр — союзник и зять греческих василевсов; зная это, Ингвар не потрудился предупредить его о своем появлении, как сделал бы для собственного союзника.

Близ устья Дуная устроили длительную стоянку. Здесь Ингвар должен был встретиться с Хельги Красным — сводным братом Эльги, что со своей дружиной провел зиму в хазарской Карше. Через гонцов, посланных степью, они ранней весной назначили это место для встречи: Ингвар должен был прибыть туда от Днепра, а Хельги — из Таврии.

Поскольку в Таврии не беспокоились о том, когда сойдет лед, Ингвар надеялся, что шурин придет сюда раньше и уже будет их ждать. Однако на месте, куда он выслал вперед разведчиков, никаких следов дружины не обнаружилось. А шесть сотен человек — не шутка. Оставалось ждать. И бояре, и оруженники, и простые вои досадовали: всем не терпелось добраться до греческих земель и вступить в дело, к коему так долго и упорно готовились.

И сильнее всех был недоволен сам Ингвар.

— Где эта меченая рожа! — то и дело ворчал он. — Если бы он ждал нас, его в этих дебрях болгары могли бы и не заметить. А вот пока мы будем ждать его, о нас узнают везде до самого Преслава!

— Если не до Царьграда, — тоже с досадой подхватил Мистина и вздохнул: — Теперь и не совершь ничего — на этом берегу другой цели для нас нет.

Прошлым летом дружина Хельги ловко добралась до хазарского Самкрая, пустив перед собой слух, будто идет на греческую Сугдею. Но на западном берегу Греческого моря русы могли избрать себе в добычу либо болгар, либо греков, но те между собой состояли в союзе, и это было почти одно и то же.

Низкие берега перед трехгорлым устьем Дуная были сплошь изрезаны заливами и иссечены песчаными косами. Стан из двадцати тысяч человек и тысячи лодий занял три приморских

мыса: через каждый протекал ручей. По берегам ручьев под деревьями раскинули шатры, из ветвей сделали шалаши и навесы от солнца. В травень-месяц было еще не так жарко, как летом, но все же без укрытия пришлось бы худо. Лодьи вытащили на белый песок, густо усыпанный обломками ракушек. Над берегом потянулись дымы костров, огонь над сучьями прибрежных ив, дубов и сосен лизал бока больших черных котлов. На ночь ставили в море сети, а утром варили похлебку.

На взморье, где мутные зеленовато-бурые воды Дуная мешались с водой Греческого моря, часто попадались осетры — бывали такие огромные, что одного хватало на целую дружину из десятков человек. Однажды дружина Родослава из Родни выловила пятисаженного осетра: когда добычу привезли на берег, голова его торчала с носа лодьи, и хвост свешивался с кормы. В другой раз такая же примерно рыба опрокинула лодью с людьми черниговца Буеслава. Попавшую на крюк добычу вытащили к поверхности, но не сумели вовремя оглушить и подцепить за жабры, а она с такой силой дернула на глубину, что перевернула и погрузила в воду само судно. Никто, к счастью, не утонул, но черниговцы, барахтаясь в соленых волнах возле своего перевернутого скутара, вопили так, будто ждали, что сейчас обиженная князь-рыба проглотит их.

Каждый раз, как разделявали осетра или белугу, рядом оказывался Колояр, один из двух самых юных Ингваровых гридей, и внимательнейшим образом осматривал внутренности рыбы. Даже руками разбираал некоторые части.

— Ты чего там ищешь? — смеялись отроки. — Или князь худо кормит?

— Или перстень в море уронил?

— Белужий камень в ищу, — деловито отвечал отрок.

— Что это за белужий камень такой? Разве рыба камни глотает?

— Не глотает, а сей камень в самой рыбе рождается и живет возле дыры, чем она икру мечет.

Удивительное дело, но мудрость покойной Держаны и любовь ее к травам унаследовал единственный сын, а не ка-

кая-нибудь из пяти дочерей. В свои четырнадцать лет Колояр разбирался в зельях не хуже самых опытных оружников Свенельдовой дружины, и в Киеве даже бабы приходили к нему советоваться. В походе, где лекарь может понадобится каждый день, такое умение весьма ценится, и к Колошке даже те, кто старше, относились с уважением, какое редко достается на долю вчерашнего отrotchати. Рос он быстро и сейчас был уже довольно высоким; над приятным, с мягкими чертами лицом стояла целая копна золотисто-русых кудрей. Светло-серые, водянистые глаза смотрели приветливо и пристально, будто он от каждого встречного надеялся чему-нибудь научиться. В память матери его среди Свенельдовых людей называли Держановичем; мужа Держаны, давным-давно умершего где-то в краю западных кривичей, никто из русов не знал, да Колояр и сам отца не помнил.

Отроки только смеялись над его поисками, но юный зелейник, не смущаясь, являлся к каждому новому выловленному осетру и спокойно запускал руки в гущу скользких рыбьих внутренностей.

— А зачем тебе этот камень? — спросил его как-то Эймунд.

За время пути он подружился с двоюродными братьями. Отчасти он тем исполнял обещание, данное Дивуше, а еще потому, что в его мыслях Колояр и Соломка связывались с оставшейся в Киеве сестрой и ему приятно было видеть их. Как будто Дивуша отчасти тоже здесь.

— Это не мне, это князю, — обстоятельно пояснял Колояр. — У кого белужий камень, тому никакая беда не страшна: ни порча, ни хворь, ни погода дурная на море. Ни даже яд, — он поднял голову и посмотрел на Эймунда. — Белужий камень держат в чаше, из какой обычно пьют: если нальют в нее отраву, то камень отраву в себя впитает, а человек выпьет — ему ничего.

— На что же он похож? — полюбопытствовал Эймунд, представляя себе некий самоцвет, играющий всеми красками сразу, будто капля росы под солнцем. — Каков собою?

— Он плоский, продолговатый, цветом серовато-белый, как найдешь — мягкий, а потом твердеет. Величиной бывает с орех, но чтобы крупнее яйца, такого никто не находил.

— Видать, и стоит такой камень дорого? — спросил другой гридь, Гуляй.

— Сколько он сам весит, за него золотом дают.

— Да не брешут ли? — усомнился боярин Красигор.

— Может, и правда, — поддержал Колояра купец Вермунд. — Я видеть такого камня не видел, а слышать про него слышал.

— Мне дед про кабаний камень рассказывал, — добавил Дивосил, сын киевского боярина Видибора. — Тоже вроде он у вепря в нутре родится и от сглаза помогает. Но чтоб находить такой камень... Дед был знатный ловец, а и ему не попадался. От старых людей только слышал.

С тех пор и еще кое-кто из отроков стал копаться в рыбьих потрохах; счастья, однако, никому не было, и скоро парням надоело. Один Держанович не прекращал поисков: он с детства привык вместе с матерью долгими днями искать по лесам и оврагам необходимые корешки, выжидать нужного часа, чтобы их взять, когда войдут в наибольшую силу, и знал: удача требует терпения.

Утром и вечером Ингвар заставлял воевод продолжать учения, но днем, когда становилось жарковато, люди отдыхали и развлекались как могли: устраивали борьбу, играли в кости. По вечерам сидели у костров, ходили от одного к другому, слушали, где какие байки рассказывают.

Особенно много слушателей собиралось в стане наемников. За зиму хольмгардский брат Тородд и ладожский родич Хакон раздобыли для Ингвара четверых «морских конунгов» с дружинами: из Свеаланда, с Готланда и даже одного дана, по имени Бард. Тот зимовал в этот раз в Бьёрко и охотно откликнулся на предложение сходить в богатое Греческое царство — Грикланд, как его называли в Северных Странах.

Наемники были Ингвару очень нужны. Им пообещали наибольшую во всем войске долю добычи, но им и предстояло самое сложное — захват царевых кораблей, если те выйдут русам навстречу. Чем греки располагают, и в Киеве, и в Северных Странах знали довольно хорошо. Не менее чем со времен

Аскольда и Дира им случалось порой видеть огромные, по меркам славян и норманнов, греческие суда — с бортом, на высоту человеческого роста поднимающимся над волной, с двумя рядами весел, с двумя мачтами, с надстройкой вроде башни, с палубой, на которой порой устанавливают разные хитрые приспособления, мечущие камни или стрелы.

Русы не раз видели эти корабли — дромоны и хеландии, а кое-кто, из тех, кому случалось служить в воинстве василевсов, даже ходил на них. Но никогда и никому из русов или норманнов еще не доводилось вступать с ними в бой. Ни Аскольд и Дир, ни Олег Вещий, ни кто другой из прославленных походами вождей не сражался с греческими судами на море. Для такой задачи требовалось все умение, опыт, ловкость и отвага, которыми располагали привычные к морским сражениям свеи и даны. Но даже им предстояло сделать то, чего никто из них и даже их соплеменников еще не делал.

Боевого опыта у них было достаточно. Хавстейн и Ульвальд лет восемь назад участвовали в набеге на Дорестада в Стране Фризов. Бард, самый старший годами, еще лет тридцать назад — примерно в те же времена, когда Олег Вещий заключал свой договор с Царьградом, — юношей ходил в Страну Франков в дружине Хрольва Пешехода.

— Мой отец потерял ногу под Парижем, когда осаждал его в дружине Сигфрида! — часто рассказывал он по вечерам, и всегда его окружал тесный круг слушателей. Наемники знали только северный язык, но славяне тоже хотели послушать, и кто-нибудь из русов брался переводить. — После этого он жил дома и вел хозяйство — благо привез довольно добычи взамен своей ноги, чтобы купить рабов и скота. Да и моя мать ему хорошее приданое принесла. А когда до нас дошла весть, что Хрольв собирает войско, чтобы вновь идти в Страну Франков, отец сказал мне: «Бард, ты уже мужчина!» А мне тогда было вот столько лет, сколько этому орлу! — Бард показал на Эймунда. — «Ты уже мужчина, — сказал он, — и ты должен показать им, что наш род не иссяк на мне, что у нас еще есть кому держать меч!» И мы показали!

Мистина и Ингвар много расспрашивали его — как берут города с высокими стенами? Городцам уличей и тиверцев, которые случалось еще в юности брать им самим, были «не в ту версту», что крепости франков. Бард, выросший под рассказы отца об осаде Парижа, теперь сам охотно повествовал о городе на острове посреди Сены, для взятия которого нужно было сперва захватить два моста с башнями на краях, соединяющие его с берегами, и еще одолеть высокие каменные стены.

— Много было в нашем. . . То есть в том войске людей королевского рода и даже королевского звания, но Сигфрида конунга все признавали главным своим вождем! — рассказывал Бард. — Людей в войске было сорок тысяч, и все они разом пошли на приступ, чтобы овладеть мостом. Метали камни пращами и баллистами, бросали сулицы и обстреливали из луков. Викинги сделали большие щиты из сырой кожи, чтобы под ними, как под передвижной крышей, могло укрыться сразу по десять человек и больше, и так бежали к стенам, а сверху в них стреляли, и швыряли камни, и лили кипяток и раскаленное масло! Бой шел такой жестокий, что в шлеме у каждого торчало по пять стрел, щиты их непрерывно звенели от падавших сверху камней. Но викинги упорно подкапывали башню, и разбивали ее основания дубинами, и рубили секирами, и уже проделали отверстие, но тут франки бросили на них с башни столько камней, что погребли, как в кургане, сразу шесть десятков человек. Пришлось тогда им отступить. Франки тем временем заделали пролом. Тогда викинги придумали вот что: из камня была только нижняя часть башни, а верхняя — из дерева. Принесли множество дров и запалили самый огромный костер, который только видели за все время, что Один правит миром. Башня могла бы сгореть, но тут пошел сильный ливень и погасил пламя. . .

Рассказов этих Барду хватало надолго: о том, как норманны строили осадные орудия, огромные телеги — нечто вроде передвижных крепостей; как пробовали сжечь мосты при помощи двух кораблей, набитых сухим деревом и подожженных. Ингвар слушал, прикидывая, не пригодится ли ему что-то из этого опыта. Для осады Царьграда вроде той, какой Хрольв подверг

Париж, у русов не хватало сил, но в Греческом царстве ведь есть города и поменьше.

Чтобы не скучать и не расходовать зря съестные припасы, часть каждой дружины всякий день отправлялась на охоту. На песчаных косах гнездились тучи птиц, но настоящая охота была подальше от взморья, где гуще растительность. Туда отправлялись на несколько дней, и это считалось отличным развлечением. Сами бояре, тоже изнывая в ожидании битв, желали этих поездок не меньше, чем отроки, у себя дома не видевшие ничего похожего.

Устье Дуная — целая страна болот, озер, рек, речушек и канав. Купцы говорили, что к морю он бежит тремя большими горлами, кои сами разделяются еще на несколько более мелких. Русы входили в самое северное горло и от него сворачивали в то или иное из бесчисленных ответвлений. Вода была везде — вода и зелень. В зарослях тростника — в два-три человеческих роста высотой — ничего не стоило заблудиться и сгинуть вместе с челноком. Лодья шла по узкому проходу между кудрявым тростником, мимо давно упавших стволов, похожих на засохшие тела поверженных чудовищ со снятой шкурой. Круглые, ярко-зеленые листья сон-травы и кубышки лежали сплошным ковром, а под ними таилась мутная желто-зеленая вода. . .

Водились здесь чудные птицы, каких славяне раньше не видели: крупным белым телом похожие на лебедя, только с короткой шеей и огромным клювом, будто лопата. Засовывая голову под воду, головастый «лебедь» ловил рыбу и переправлял в приделанный под клювом кожистый мешок. Бывалые оружники, уже проезжавшие через эти места с купцами, говорили, что это чудо называется «баба-птица» и что она несъедобна, но отроки часто стреляли «бабу», чтобы получше рассмотреть и все же попробовать.

Вглубь русы старались не забираться, чтобы не пропасть в путанице проток. Извей Илаевич, младший брат киевского боярина Себенега, однажды так заплутал и вернулся к войску лишь на третий день. Далеко заходить и не требовалось: дичи, птицы, рыбы здесь было столько, что хватало на целое войско.

Пристав к островку, где густо росли ивы, вербы, тополя и ракиты, отроки забрасывали сети и устраивались ночевать, а утром возвращались к дружине, везя полные лодьи щук, сомов, карпов. Пока ждали, стреляли гусей, лебедей и уток.

На островах между протоками хватало и крупной дичи: кабанов, оленей. Часто видели диких лошадей — в теплые дни те бродили по колено в воде, щипали жесткую траву на песчаных полянах на взморье. При виде людей бросались в протоки, мчались по мелководью, поднимая тучи брызг, переплывали озерцо и скрывались в зарослях ракиты на дальнем острове.

Однажды, уже под вечер, Эймунд невольно ввязался в приключение. С дружиной в два десятка отроков он выбрал довольно большой остров, заросший ракитой, ивой и дикой грушей. Попадались даже дубы. В озеро и протоки вокруг забросили сети, набрали целую гору сушняка, начали варить похлебку из набитых по пути уток и гусей. Стрелять пришлось над водой, и Колояр с Соломкой прыгали, чтобы вплавь достать добычу и стрелу. Потом их под общий смех втягивали в лодью, обвитых зелеными стеблями кувшинок, «будто русалка».

Эймунд договорился с Гримкелем Секирой, нынешним сотским ближней княжьей дружины, чтобы взять отроков с собой на охоту. Как он заметил, Зорян Дивиславич с младшими братьями так и не подружился: никогда не приходил в княжий стан повидаться и не звал их к себе, а при случайных встречах лишь кивал в ответ на их поклоны и проходил мимо. Похоже было, что дороги родичей невозвратно разошлись.

В какой-то мере Эймунд, оставивший дома собственных двоих младших братьев, даже рад был заменить их этими двоими. Колояр, рассудительный и забавный, нравился ему сам по себе, а Соломка миловидным округлым лицом и серо-голубыми глазами сразу вызывал в памяти сестру. При виде его у Эймунда всякий раз теплело на сердце, и казалось даже, что Дивуша где-то рядом. Впечатления пути не вытеснили ее из памяти; наоборот, глядя по сторонам, он невольно воображал, как станет рассказывать ей обо всем этом. О движении войска, о порогах, о горлах Дуная и плавнях, об этом чудном болотном крае.

О целых полях белых и желтых водяных цветов, где лодья идет, будто по лугу, и каждое весло становится словно наряженная ярильская береза. О тучах пернатых — «бабах-птицах» с желтыми клювами и широкой черной каемкой на белых крыльях, о лебедях и утках всяческих неведомых пород. О пышных деревьях, растущих прямо из воды. Об осетрах взморья — больше человеческого роста, о диких жеребцах, что носятся по воде среди кувшинок. . . О чудных зверях — черепахах, что похожи на толстую ящерицу, носящую на себе чей-то череп. «Гадюка в домовине» — сказал о них Искусеви, старейшина плесковских чудинов в Эймундовой дружине, чем очень насмешил парней. В южной Руси такие водились на болотах, и парни из черниговской дружины говорили, что черепахи безвредны, но плесковичи это чудо увидели впервые.

Начинало темнеть.

— А пойдемте посмотрим, что там есть! — Колояр, едва присев, уже снова был на ногах. — Может, с той стороны чего найдем любопытное!

— Да чего там есть? — унимал его Богославец. — Груша дикая и та еще не поспела. Сядь, посиди, егоза.

— Может, водяных жеребцов увидим, — поддержал брата Соломка.

— Да это не водяные, обычные они жеребцы, — пояснил Альвард, не раз ездивший мимо Болгарского царства по торговым делам. — Просто пасутся здесь, среди болот, вот и приобвыкли вплавь перебираться.

— А я слышал от воеводы нашего Шигберна, — вступил в беседу еще один из плесковичей, Гостец, — что в дальних северных краях есть такие духи водные, как бы злые жеребцы, что в воде только и живут, лишь изредка на берег выходят земной травки пощипать. Коли кто к такому жеребцу подойти хочет, он ничего, подпускает, а как человек к нему на спину сядет, он р-раз — и в воду прынул, с человеком вместе. Много народу, говорят, таким путем пропадает.

— Ну, то в дальних северных краях, — сказал немолодой плесковский оружник, по прозвищу Падинога. — У них чего

только нет. Морские змеи, говорят, есть, такие из себя, как Змей Горыныч.

— У нас Змей Горыныч есть, — заметил Соломка, даже как будто озадаченный, что на родной земле имеется чудо, не хуже заморских.

— А ты его видел? — повернулся к нему Падинога.

— Нет.

— А чего ж говоришь?

— Ну... Все же знают.

— То все знают, а то люди сами видели.

— Пойдемте пройдемся до того края, — снова стал звать Колояр. — Хочу сон-травы здешней взять, корень выкопать, посмотреть, такова ли, как у нас. А здесь вон, тростником все заросло, к воде не пройти.

— Ну, пойдем... Зелейник! — улыбнулся Эймунд и поднялся с кошмы.

— А правду говорят, что от сон-травы у мужика колом стоит? — хмыкнул Дыбуля.

— Правда, — без улыбки кивнул Колояр. — Будет надо, я помогу, только смотри, без меня не пробуй. Она недаром сон-травой зовется: если пить ее не умеючи, то заснешь и вовек не проснешься.

— Иди, иди... Мудрец беспортошный.

Колояр призадумался, не полагается ли ему вздуть Дыбулю за «беспортошного» — он ведь уже не малец, а целый гридь, и меч у него есть. Но Эймунд обернулся на краю поляны, поджидая его, и Колояр устремился за ним.

Раздвигая сулицей ветки, Эймунд шел впереди, оба брата — следом. Больше не разговаривали, старались идти тихо, чтобы не спугнуть то неведомое, что могло ждать впереди. Сумерки сгустились. Вдруг Колояр невольно охнул; оба спутника обернулись к нему, Эймунд безотчетно вскинул сулицу, будто собирался метнуть.

— Ты что? — шепнул он, не видя поблизости ничего опасного.

— В-вон, — смущенный отрок показал на поваленный ствол у воды. — Померещилось, змей или вроде того...

Эймунд хмыкнул, однако подумал, что светлеющий сквозь сумерки изогнутый ствол с облезшей корой и правда при беглом взгляде можно принять за отдыхающее чудовище.

— Здешние змеи поменьше будут, — напомнил он. — Видели же, пока плыли.

С лодьи они правда замечали скользящих в воде пестрых ужей; довольно крупные, те, однако, не выглядели опасными.

— Тихо! — Соломка вдруг поднял руку.

Все умолкли, и в тишине со стороны воды, из-за пышных тростниковых зарослей, стал слышен шум — плеск, шорох, фыркание. Трое парней застыли, Эймунд стиснул сулицу. Свои остались у костра, шагах в ста позади. Впереди был другой край острова и вода озера. Зверь какой? А крупный, должно быть, судя по густому фырканию.

Морской змей?

Эймунд быстро и бесшумно двинулся вперед, двое братьев — за ним. У Колояра с собой был длинный нож — копать корневища сон-травы, а Соломка прихватил секиру. Пробравшись через ивняк, они наконец увидели воду. Желтые чашечки той самой сон-травы, которую искал Колояр, качались на крупных волнах от движения какого-то весомого тела. Такого, что продрало морозом — и оно было где-то совсем рядом, за свесившимися к самой воде ветками ивы!

— Ма... — невнятно выкрикнул Соломка, выпученными глазами глядя в воду под ветки.

Эймунд наконец сумел выглянуть из-за толстого сука; он почти висел, опасаясь съехать со скользкого, топкого бережка в воду.

В сумерках через протоку плыло нечто огромное. Из воды торчали широко расставленные острые рога. А за ними сквозь волны смутно виднелось серое тело с большим черным пятном ближе к голове. Поток позади него бурлил, образуя подобие длинного хвоста.

Увидев все это, Эймунд вздрогнул, сук треснул, пятка поехала. Ломая ветки, все ускоряясь, он скатился в протоку и оказался прямо перед мордой чудовища. Ушел в воду сначала с головой,

но тут же, остро ощущая смертельную опасность, встал ногами на топкое илистое дно и выпрямился. Казалось, вот сейчас навалится огромное чешуйчатое тело... Или схватит зубастая пасть... Саднила оцарапанная бровь, вода текла с волос, не давая как следует разглядеть существо перед собой; сверху в кустах истошно орали два голоса, но сейчас Эймунд не помнил, кто это. Мутная вода качалась, брызги сыпались на лицо, а фырканье слышалось на расстоянии пары шагов.

Перед глазами мелькнул блестящий от воды серый бок — Эймунду он показался высотой если не с гору, то с хороший пригорок. Но тут он не посрамил своего высокого рода и оправдал выучку: он помнил, что в руке судорожно зажата не палка, а сулица. И метнул в этот гладкий бок, точно зная, что на таком расстоянии промазать невозможно.

Густеющие сумерки потряс дикий рев. Чудовище отшатнулось и бросилось к берегу. Сулица торчала у него в боку, и конец древка едва не задел самого Эймунда. Почти безотчетно он изо всех сил устремился вслед за чудовищем — сражаться в воде голыми руками нечего было и думать. Ноги вязли, мощные волны, поднятые исполинским телом, толкали, так что он едва не падал. Насквозь мокрая одежда сковывала движения.

Чем ближе подходил Эймунд к берегу и чем ниже становилась вода, тем сильнее она, казалось, тянула его назад, вниз, ко дну. Дикая рев звучал впереди, совсем близко; отчаянно стараясь сморгнуть воду, он проводил по глазам мокрой рукой, но от этого воды становилось только больше. С ревом мешались крики.

Огромная туша метнулась назад и толкнула его. Эймунд упал спиной, и мутная вода сомкнулась над его лицом.

А всему виной была отвага Колояра и Соломки. Они видели, как Эймунд скатился в воду прямо перед мордой рогатого чудовища; в полутьме зверя не удавалось толком разглядеть, но облика оно было совершенно ужасного! И вот, утопив Эймунда, страшилище рванулось к берегу. Здесь, оказывается, имелся пологий сход, пяточок песка и открытой воды между зарослями тростника и ивы — они не дошли до него всего шагов десять.

Чудовище, похоже, знало эту тропу. Оно уже почти ступило на песок — огромное, как гора, с вздымающимися рогами, будто два изогнутых меча, с длинной гривой, волочащее за собой мокрые крылья. И оно ревело диким грубым голосом, полным боли и ярости.

К чести обоих братьев и их воспитателей, мысль развернуться и бежать даже не пришла им в головы. Водяной крылатый змей напал на Эймунда, их старшего друга. Жив тот или нет, их первый долг — отомстить. И они, отчаянно вопя, бросились чудовищу навстречу. Колояр сжимал длинный нож, Соломка размахивал секирой. И обрушил ее на голову чудовищу, едва оно ступило на песок.

Чудовище метнулось назад, покачнулось, потом снова рванулось вперед. Промчалось между братьями, едва не сбив Соломку с ног; он отлетел на пару шагов, зато Колояр успел вонзить нож зверю в бок. Но зверь, не заметив, мчался дальше; рукоять вырвало из рук парня, и он остался безоружным.

И в это время перед носом чудовища вырос Богославец с копьем в руках. Рев, крики и шум сражения долетели до сидящих у костра, и вся Эймундова дружина прибежала на помощь своему юному вождю. Его пока не было видно, зато всем сразу бросилось в глаза, как нечто огромное и рогатое топчет двоих отроков.

С яростным хеканьем рослый Богославец всадил копьё в грудь чудовища. То снова заревело и отшатнулось. Лезвие вышло из раны, хлынула черная в сумраке кровь. Богославец кинулся в погоню и снова изготовился для удара; в этот миг чудовище пошатнулось и упало на бок. Воды там было человеку чуть ниже пояса, и оно почти сразу скрылось; мелькнула длинная голова на отчаянно вытянутой шее, потом пропала и она. Рев стих.

Остальные тоже затихли. Ночные птицы примолкли в испуге, и в гнетущей тишине каждый слышал только собственное тяжелое дыхание и бешеный стук сердца.

Богославец бросился в воду и вновь вонзил копьё туда, где чудовище упало, прямо сквозь мутную воду. Казалось, попав в родную стихию, оно уйдет, но нет — тяжелая туша лежала на

дне и даже не дернулась под ударом копья. Богославец замер, навалившись на копьё всем весом, и пригвоздил водяного змея ко дну. Его уже окружили другие плесковичи, все с оружием наготове. Но морской змей больше не шевелился.

— Готов! — хрипло выдохнул Богославец.

— Что за хрен это был? — изумленно пробормотал Гостец, еще держа секиру изготовленной для удара.

— Эймунд! Эймунд где? — кричали Колояр и Соломка. — Искать его надо! Он утоп!

— Где утоп?

Плесковичи стали оглядываться, но по растерянным лицам было видно, что мысли их все еще с этим чудом, которое лежало под водой возле их ног, прижатое копьем Богославца.

— Его это... — Соломка показал под воду.

— Утопи... — начал Колояр, не уверенный, что же чудовище сделало с Эймундом. Неужто проглотило?

— Да не утоп я! — долетело справа. — Я здесь!

Эймунд оказался поблизости; стоял у берега полусогнувшись, по колено в воде, пошатываясь и держась за ветки ивы. Почти невредимый, он только весь промок, наглотался воды, был ушиблен, исцарапан и с трудом держался на ногах.

Ему помогли выбраться на берег, и тут его вывернуло мутной водой вперемешку с тиной.

— Что это было? — выговорил он, едва отдышавшись. — Морской змей?

— Да... Вон, Богославец его завалил, — плесковичи в недоумении переглянулись. — Пойдемте-ка глянем.

— Да ну его к лешему! — сморщился осторожный Падинога.

— Не дрожи, издохло оно! — подбодрил его Богославец. — Давайте живее, а то темнеет уже. Не разглядим, а до утра я сам от любопытства помру.

Его копьё так и торчало в туше, скрытой под водой. Но его едва было видно, и приходилось спешить. Не желая показать робости, плесковичи снова вошли в воду, боязливо опустили руки. Пробирала дрожь, едва кто-то касался неведомо чьей мокрой шкуры. Немовля наткнулся на оскаленные зубы и с пере-

пугу выдернул руку из воды; вокруг засмеялись, и напряжение немного схлынуло.

Осмелев, плесковичи стали смелее шарить по туше. Искали, за что бы ухватить, но везде натыкались только на округлые бока.

— Скользкое какое! — заметил Дыбуля. — Чешуя, видать.

— За рога возьми! — посоветовал Богославец.

За рога браться было как-то боязно. Но вот Немовля нашел конечность — не толстую, сподручно ухватить. Потянул. На свет явилась нога с копытом.

— Э, гляди! — заорал он. — У нас змей морской с копытами!

— У него еще крылья есть! — крикнул с берега Соломка. — Я видел!

Прикинув на глаз расстояние, Богославец нашарил второе копыто — заметно ближе, чем поначалу стал искать. Взявшись за каждое втроем, с натугой поволокли тушу по дну к берегу. Вот показались рога, блестящий от воды серый бок... Обещанных крыльев не было, густая грива, закрывшая морду, оказалась перепутанными плетями сон-травы и осоки. Сулица Эймунда еще торчала в боку.

Чуть придя в себя к тому времени, тот подошел и выдернул свое оружие. Острием осторожно сдвинул зеленые стебли с морды зверя.

Стоявшие вблизи разом наклонились, пристально вглядываясь. Кто-то охнул среди тишины. Богославец присел и прикоснулся к морде зверя. Потом хмыкнул.

— Братцы... Разрази меня Перун на месте... Это ж корова!

* * *

Для села Вихрцы это был тревожный день. Вечером Илко и Танчо, сыновья Камена, не сумели найти Златку, свою корову. Снова отправились на поиски на заре и обнаружили лишь останки: отрубленную голову, снятую шкуру и часть внутренностей. Отважившись пойти по следам, на другой стороне острова нашли стан неведомой разбойничьей ватаги: человек сорок мужчин и кости своей Златки. Холодея от ужаса, подростки

прыгнули в челн и принесли домой страшную новость: вблизи появились разбойники-русы!

Село стояло на сухой гривке среди озер, болот и проток, и протоки служили тропинками, подводящими к каждому дому. Хижи¹ здесь строили из пучков высушенного тростника и обмазывали илом: высыхая, он становился твердым как камень. К беленым стенам лепились яблони, груши, вишни: земли для них было не много, но благодаря тому же илу все росло хорошо. Как и прочие селения болотного края, Вихрцы жили рыбной ловлей, женщины вязали сети. Зимой косили сухой тростник и продавали: им хорошо было крыть крыши.

Этим утром хижи опустели: женщин и скотину увезли на мелкие островки и спрятали в зарослях, где чужаки не нашли бы их и за целый год. Послали гонцов в два ближайших села и велели мужчинам спешить в Вихрцы. Собравшись все вместе, подунавцы смогли бы хоть числом уравниваться с русами.

Однако до вечера разбойники никак себя не проявили. К концу дня Смилян, кмет Вихрцов, с тремя мужчинами отважился навестить на остров, где отроки видели чужих.

Остров оказался пуст, но следов там осталось множество: кострище, кости и голова бедной Златки. Куда уплыли чужаки? Где теперь появятся? Сход решил, что надо ехать в Ликостому, к багаину Самодару. Еще ночь мужчины провели без сна, с оружием в руках сторожа ведущие к селам протоки, а утром Смилян отправился с двумя гонцами в ближайший воеводский городок. Взял с собой и Танчо — как живое доказательство, ибо он единственный, кто видел русов своими глазами, пока Илко сторожил челн.

До Ликостомы вверх по реке был дневной переход. Сменяя друг друга на веслах по двое, к вечеру вихровцы достигли цели.

В этих краях был самый корень Болгарского царства. Близ устья Дуная, в трех переходах вверх по течению, раскинул когда-то свой стан хан Аспарух — владыка болгар-кочевников, что триста лет назад первым привел их на берега Дуная и дал им здесь новую родину. В союзе со славянами восьми племен,

¹ Хижи — жилища придунайской Болгарии.

жителями этих земель, всадники Аспаруха обрели силу для борьбы и с хазарами, и с греками — даже брали с василевсов дань. На месте его «хринга», то есть стана болгарской орды, сейчас располагался город Преслав Малый, где жил младший брат царя Петра — Боян. Престол царства Болгарского уже полвека находился в Преславе Великом — царь Симеон, отец Петра, построил этот город как свою новую христианскую столицу. Потомки болгар-кочевников, когда-то захвативших власть над этим краем с его славянским населением, теперь составляли его крещеную знать. Смешавшись с ними, восемь древних племен теперь носили общее имя — дунайцы или подунавцы.

Ликостома высилась на ровном берегу Дуная в окружении садов и лугов, где паслись багаиновы табуны. Построили ее по образцу других болгарских городов: это была четырехугольная крепость-калэ за рвом, полным воды, и высоким земляным валом. Поверх вала шла каменная стена, из камня были выстроены двор багаина — хозяйский дом, помещения для дружины. Имелась там и небольшая церковь Апостола Андрея. Стараниями царевича Бояна она украсилась фресками и даже двумя колоннами из сероватого мрамора: все это он раздобыл при помощи своей невестки-гречанки, царицы Ирины.

Посланцы Вихрцов добрались до места уже в густых сумерках. Даже боялись, что опоздают и придется ночевать на пристани в челне. Однако ворота калэ еще были открыты, и людей внутри показалось необычно много. В кафтанах, в сапогах, с узкими кожаными поясами — по виду все это были отроки чьей-то дружины.

— Может, они уже знают? — заметил Камен, отец Танчо.

— Добрый вечер в дом, юнаки! — Смилян сдернул овчинную шапку и поклонился ближайшим двум воинам.

Без особого дела те стояли близ ворот багаинова двора, засунув руки за свои украшенные плотным рядом бронзовых бляшек пояса, и пересмеивались, разглядывая девок и женщин, что гнали скотину с луга.

— Не позволено ли нам будет узнать — что за господин приехал с такой сильной дружиной?

— Не узнал, старче, багатуров баты¹ Бояна? — усмехнулся один.

— Баты Боян приехал в Ликостому?

— Ну раз я здесь стою! — ответил отрок, и оба захохотали.

Дом багаина Самодара был выстроен из белого камня, с выложенными красным кирпичом округлыми сводами окон. В подражание Константинополю выстроил свою столицу, Великий Преслав, царь Симеон, а его сыновья перенесли этот облик на Преслав Малый и другие крепости своей земли. Правда, убранству его далеко было до царьградской роскоши, лишь расписная посуда на полках беленых стен бросалась в глаза яркими пятнами: рыбы, птицы, быки, олени, грифоны. Глинобитный пол в дальней, хозяйской части покрывали тканые ковры.

Багаиновы слуги сперва не хотели допускать Смиляна и его родичей: у хозяина шел пир, ему было не до каких-то селян. Лишь услышав о разбойниках-русах, ключник дрогнул: задержи он такие сведения, и самому могло не поздоровиться.

— Идите за мной, только тише! — велел он Смилянцу. — Я сам о вас доложу.

Вслед за ключником трое селян прошли в дом. В хозяйском покое сияли десятки золотых огоньков: горели восковые свечи в медных подсвечниках, и оробевшим восхищенным селянам казалось, что здесь светло как днем. Гости сидели на скамьях за длинными столами, уставленными той греческой посудой, что в обычные дни украшала стены.

Издали через раскрытую дверь доносились некие звуки, от чего селяне затаили дыхание и дальше шли на цыпочках. Глубокий, звучный мужской голос выпевал строки под перезвон гусельных струн:

Из того ли да из морюшка из синего
Остров Белый над волнами поднимается,
Волны пенные под ним да колыхаются,
Вихри лютые над ним да возъяряются.
Правит островом сам грозный Царь Морской:

¹ Баты (бата) — господин, старинный тюркский титул, употребительный у древних болгар.

Сто палат в его чертоге да еще полста,
Сто столов стоит в палатах да еще полста,
На столах стоят да блюда — красна золота,
На других стоят да чаши — чиста серебра,
А на третьих стоят чаши — скатна жемчуга.
Там гостей к себе собирает грозный Царь Морской,
Сам хозяин с молодою хозяйшкой.

Гордость звучала в нем, когда он описывал богатое убранство, и сами звуки гусельных струн казались светлыми, будто играл он не на позолоченной бронзе, а на солнечных лучах.

Заслышав этот голос, Смилян перекрестился, то же сделали его родичи. Так делали почти все, кто впервые слышал, как Боян сын Симеона говорит и тем более поет. Казалось, этот голос шел из неведомых глубин мироздания и касался напрямую души каждого, кто его слышал. Особенно чаровал он женщин: они замирали и готовы были слушать сколько угодно — о чем бы ни шла речь. Что и подкрепляло Боянову славу как человека «знающего».

Как плывут по синю морю три кораблика,
А на них святой Андрей с дружиной верною:
Сорок с ним людей — святых мужей,
Все Христу творят молитвы — Сыну Божьему.

Всколебалось сине море, всколыхалось,
Закричал тут Царь Морской да громким голосом:
Ой ты гой еси, силен-грозен муж,
Ты зачем в мои владения пожаловал,
И зачем с тобой дружинушка хоробрая?
Отвечает ему сам святой Андрей:
Из числа дружины я Христовыя,
Я порушу твое царство все поганое,
Затворю ворота преисподние,
Да не станешь ты топить крещеный люд,
Погублять да души христианские.

Отвечает ему грозный Царь Морской:
Не боюсь тебя с твоей дружиною,
У меня дружина — посильней твоей,